

ЗАПИСКИ СВЯЩЕННИКА

ЕСЛИ ВЫ ЧИТАЕТЕ ЭТИ СТРОКИ, ЗНАЧИТ ВАМ НЕ БЕЗРАЗЛИЧНА жизнь церкви и человеческие судьбы. Возможно, Вы сами являетесь священником и искренне чаеете утешения народа Божьего. “Записки священника” – это моя очередная “нестандартная” попытка возродить в христианстве истинный образ духовного пастыря. Пастыря, уподобившегося Христу. Записки рождались и продолжают зарождаться скорее в моем сердце, чем в сознании. Некоторые из них – были написаны буквально спонтанно, “на одном дыхании”, со слезами на глазах. И потому, они очень эмоциональны, метафоричны и могут показаться даже несколько “странными” и неудобовразумительными. Но я давно заметил, что искреннее и любящее Господа сердце, прочитает “между строк” и извлечет “драгоценное из ничтожного”. “Записки священника” составлены в форме литературных миниатюр/композиций, без определенного жанра и стиля. Как и “Записки смутного времени” (“Богомыслие”, №26, 2020 г.) – порой они очень радостны и торжественны, а иногда – печальны, грустны и обличительны. Но всегда искренни, из глубины сердца исповеданы.

Предлагаю Вам отправиться вместе со мной в небольшое путешествие – по страницам творчества некоторых известных писателей, которые очень ярко отобразили в своих произведениях образ истинного священника Церкви Христовой. Также предлагаю Вам окунуться в биографии некоторых священников-реформаторов и священников-пророков, пошедшим по стопам Христа до своего земного креста. В заключительной части “Записок священника” – несколько экспромтных литературных миниатюр, посвященных женам пастырей и неизвестным служителям Иисуса Христа. *Veritas Pro Christo et Ecclesia*. И да поможет нам Бог. Во имя Христа и Его Невесты-Церкви.

Иван Лещук, пресвитер, кандидат технических наук. Автор книг «Экология духа», «Лабиринты духовности», «Исповедь». Автор ряда статей в альманахе «Богомыслие». Один из авторов статей «Славянского Библейского Комментария». Ведущий радиопрограмм «Грани жизни», «Семья и школа», «Душевное здоровье». Специалист по работе с родителями (школа Community Outreach Academy) и психическому здоровью (Slavic Assistance Center) (г. Сакраменто, США).

ЧАЮЩИЕ ДВИЖЕНИЯ ВОДЫ

*По страницам Николая Лескова, “Соборяне”
 (“Чающие движения воды”, 1872)*

◆ Священник читал Николая Лескова, “Соборяне”^[1], а на глазах его были слезы. Это были светлые слезы – потоки неземного восторга, неизреченно радостного, одному Богу ведомого. Истинный пастырь-пророк открывался внутреннему оку священника. Предельно честный, искренний, близкий к Богу мужчина стоял пред лицом утомленного пастыря. Протоиерей Савелий Туберозов. Глаза у него были “большие, смелые и ясные. Они всю жизнь свою не теряли способности освещаться присутствием разума; в них же близкие люди видали и блеск радостного восторга, и туманы скорби, и слезы умиления; в них же сверкал порою и огонь негодования, и они бросали искры гнева – гнева не суетного, не сварливого, не мелкого, а гнева большого человека. В эти глаза глядела прямая и честная душа протопопы Савелия, которую он, в своем христианском уповании, верил быти бессмертною”^[2].

Священник читал Николая Лескова, а на глазах его были слезы. “Почему ты снова плачешь?” – спросила его жена. Дождь пробуждения орошал засохшую душу пастыря. Сильный небесный дождь. И ему казалось, что весь мир должен пробудиться и измениться от великого свидетельства пророка Савелия! И священник захотел так же жить и служить, и даже умереть, как Савелий Туберозов.

Последняя проповедь Божьего пастуха Савелия потрясла священника до глубины души. Это была финальная песнь Христова пастыря, поющего на кресте, “в терновнике”. А до этого у него было много других проповедей, исцеляющих, пророческих для народа исповедей. Но не услышали его... многие... изгнали за пределы храма... пропустили возможность реформации умирающей церкви. “Проповедовал впервые в соборе после архиерейского служения. Темой проповеди избрал текст притчи о сыновьях вертоградаря. Один сказал: “не пойду” – и пошел, а другой отвечал: “пойду” – и не пошел. Свел сие ко благим действиям и благим намерениям, позволяя себе некоторые намеки на служащих, присягающих, и о присяге своей небрежущих, давая сим тонкие намеки чиновначалиям и властям. Говорил плавно и менее пышно, чем естественно. Владыка одобрили... Однако же впоследствии его преосвященство призывал меня к себе и, одобряя мое слово вообще, в частности же указал, дабы в проповедях прямого отношения к жизни делать опасался, особливо же насчет чиновников, ибо от них-де чем дальше, тем и освященнее... Вторично получил выговор и замечание и вызван к личному объяснению, при коем был назван “непочтительным хамом, открывающим наготу отца”^[3].

[1] Н. Лесков, “Чающие движения воды”, 1872

[2] Н. Лесков, “Чающие движения воды”, 1872

[3] Н. Лесков, “Чающие движения воды”, 1872.

Священник читал Николая Лескова, “Соборяне”^[4], а на глазах его были слезы. Это были светлые слезы — потоки неземного восторга, неизреченно радостного, одному Богу ведомого. Истинный пастырь-пророк открывался внутреннему оку священника. Предельно честный, искренний, близкий к Богу мужчина стоял пред лицом утомленного пастыря. Протоиерей Савелий Туберозов.

“Был осрамлен до слез и до рыданий. Опять был на меня донос... и опять предстоял пред оным губернаторским правителем... Но, приехав домой, был нежно обласкан попадьею и возблагодарил Бога, тако устроившего, яко же есть... Сегодня я говорил слово к убеждению в необходимости всегдашнего себя преобразования, дабы силу иметь во всех борьбах коваться, как металл некий крепкий и ковкий, а не плющиться, как низменная глина, иссыхая сохраняющая отпечаток последней ноги, которая на нее наступила. Говоря сие, увлекся некоею импровизацией и указал народу на стоявшего у дверей... Хотя я по имени его и не назвал, но сказал о нем как о некоем посреди нас стоящем, который, придя к нам нагой и всеми глупцами осмеянный за свое убожество, не только сам не погиб, но и величайшее из дел человеческих сделал, спасая и воспитывая неоперенных птенцов. Я сказал, сколь сие сладко — согревать беззащитное тело детей и насаждать в души их семена добра. Выговорив это, я сам почувствовал мои ресницы омоченными и увидел, что и многие из слушателей стали отирать глаза свои и искать очами по церкви некоего, его же разумела душа моя, искать Котина нищего, Котина, сырых питателя. И идя, что его нету, ибо он, поняв намек мой, смиренно вышел, я ощутил, как бы некую священную острую боль и задыхание по тому случаю, что смутил его похвалой, и сказал: “Нет его, нет, братия, меж нами! Ибо ему не нужно это слабое слово мое, потому что слово любви давно огненным перстом Божиим начертано в смиренном его сердце. Прошу вас, — сказал я с поклоном, — все вы, здесь собравшиеся достопочтенные и именитые сограждане, простите мне, что не стратига превознесенного вспомнил я вам в нашей беседе в образ силы и в подражание, но единого от малых, и если что смутит вас от сего, то отнесите сие к моей малости, зане грешный поп ваш Савелий, назирая сего малого, не раз чувствует, что сам он пред ним не иерей Бога вышнего, а в ризах сих, покрывающих мое недостойство, — гроб повзвешенный. Аминь”^[5].

294 Священник читал Николая Лескова, “Соборяне”^[6], а на глазах его были слезы. “Я сделал значительную ошибку: нет, совсем этой неосторожности не конец. Из консистории получен запрос: действительно ли я говорил импровизацией проповедь с указанием на живое лицо? Ах, сколь у нас везде всего живого бояться! Думаю, не повесят же меня за это и головы не снимут, а между тем против воли смутно и спокойствие улетело... Все

[4] Н. Лесков, “Чающие движения воды”, 1872.

[5] Н. Лесков, “Чающие движения воды”, 1872.

[6] Н. Лесков, “Чающие движения воды”, 1872.

конечно, правда, что головы не снимут, но рот замкнуть могут, и сделать сего не преминули... а потом приказанием все, что вперед пожелаю сказать, присылать предварительно цензору.. Прости, Вседержитель, мою гордыню, но я не могу с холодностию бесстрастно совершать дело проповеди. Я ощущаю порой нечто на меня сходящее, когда любимый дар мой ищет действия; мною тогда овладевает некое, позволю себе сказать, священное беспокойство; душа трепещет и горит, и слово падает из уст, как уголь горящий. Нет, тогда в душе моей есть свой закон цензуры! А они требуют, чтоб я вместо живой речи, направляемой от души к душе, делал риторические упражнения... Я сей дорогой не ходок. Нет, я против сего бунтлив, и лучше сомкните вы, мои нелюбимые уста, и смолкни ты, мое бесхитростное слово, но я из-под неволи не проповедник”^[7].

“Предположил устроить у себя в доме на святках вечерние собеседования с раскольниками, но сие вдруг стало известно в губернии и сочтено там за непозволительное, и за сие усердствование дано мне замечание... я отрешен от благочиния и чуть не отвержен сана... Какая огромная радость! Ксендзы по Литве учредили общества трезвости: они проповедуют против пьянства, и пьянство престаёт, и народ остепеняется, и откупщики-кровопийцы лопаются. Ах, как бы хотелось в сем роде проповедничать! В некоторых православных обществах заведено то же. Боюсь, не утерплю и скажу слово! Говорил бы по мысли Кирилла Белозерского, како: “Крестьяне ся пропивают, а души гибнут”. Но как проповедовать без цензуры не смею, то хочу интригой учредить у себя общество трезвости... Что делать, за неволю и патеру Игнатию Лойоле следовать станешь, когда прямою дорогой ходу нет... Составили проект нашему обществу, но утверждения оному еще нет, а зато пишут, что винный откупщик жаловался министру на проповедников, что они не допускают народ пить. Ах ты, дерзкая каналья!”^[8].

Священник читал Николая Лескова, “Соборяне”^[9], а на глазах его были слезы. Это были светлые слезы – потоки неземного восторга, неизреченно радостного, одному Богу ведомого. Истинный пастырь-пророк открывался внутреннему оку священника. Предельно честный, искренний, близкий к Богу мужчина стоял пред лицом утомленного пастыря. Протоиерей Савелий Туберозов. “Он подошел к окну, приподнял спущенную коленкорную штору и, поглядев за реку, выпрямился во весь свой рост и благодарственно перекрестился. Небо было закрыто черными тучами, и редкие капли дождя уже шлепали в густую пыль; это был дождь, прощенный и моленный Туберозовым прошедшим днем на мирском молебне, и в теперешнем его появлении старик видел как бы знамение, что его молитва не бездейственна. Старый Туберозов шептал слова восторженных хвалений и не заметил, как по лицу его тихо бежали слезы и дождь все частил капля за каплей и, наконец, засеял как сквозь частое сито, освежая влажною про-

^[7] Н. Лесков, “Чающие движения воды”, 1872.

^[8] Н. Лесков, “Чающие движения воды”, 1872.

^[9] Н. Лесков, “Чающие движения воды”, 1872.

хладой слегка воспаленную голову протопопа, который так и уснул, как сидел у окна, склоняясь головой...”^[10].

Священник читал, а на глазах его были слезы, за себя, за свою семью, за свой народ, за Христову церковь. Последняя проповедь Божьего пастуха Савелия потрясла священника до глубины души. Это была финальная песнь Христова пастыря, поющего на кресте, “в терновнике”: “Все эти молитвенники, слуги лукавые и ленивые и молитва их не молитва, а наипаче есть торговля, торговля во храме, видя которую Господь наш И. Х. не только возмутился божественным духом своим, но и возьмь вервие и изгна их из храма. Следуя его божественному примеру, я порицаю и осуждаю сию торговлю совестью, которую вижу пред собою во храме. Церкви противна сия наемничья молитва. Может быть, довлекло бы мне взять вервие и выгнать их вон, торгующих ныне в храме сем, да не блазнится о лукавстве их верное сердце. Да будет слово мое им вместо вервия. Пусть лучше будет празднен храм, я не смущуся сего: я изнесу на главе моей тело и кровь Господа моего в пустыню и там пред дикими камнями в затрапезной ризе запою... Это была программа поучения, которую хотел сказать и сказал на другой день Савелий пред всеми собранными им во храме чиновниками, закончив таким сказанием не только свою проповедь, но и все свое служение церкви. Старгородская интеллигенция находила, что это не проповедь, а революция, и что если протопоп пойдет говорить в таком духе, то чиновным людям скоро будет неловко даже выходить на улицу. Даже самые друзья и приятели Савелия строго обвиняли его в неосторожном возбуждении страстей черни. На этом возбуждении друзья его сошлись с его врагами, и в одно общим хором гласили: нет, этого терпеть нельзя!”^[11]

“Проповедь Туберозова уже забывалась. Но к вечеру третьего дня в город на почтовой телеге приехала пара оригинальных гостей... это были послы по савелиеву душу: протопопа под надзором их требовали... Через полчаса это знал весь город, и к дому Туберозова собрались люди, а через час дверь этого дома отворилась, и из нее вышел готовый в дорогу Савелий. Наталья Николаевна провожала мужа, идучи возле него и склоняясь своею голубиною головкой к его локтю. Они оба умели успокоить друг друга и теперь не расслабляют себя ни единою слезой. Ожидавший выхода протопопа народ шарахнулся вперед и загудел. Туберозов снял шляпу, поклонился ниже пояса на все стороны. Гомон затих; у многих навернулись слезы, и все стали креститься. Из-за угла тихо выехала спрятанная там, по деликатному распоряжению исправника, запряженная тройкой почтовая телега... Наталья Николаевна подскочила к мужу и, схватив его руку, прошептала: — одну только жизнь свою пощади! Туберозов отвечал ей: — не хлопочи: жизнь уже кончена; теперь начинается «житие»”^[12].

^[10] Н. Лесков, “Чающие движения воды”, 1872.

^[11] Н. Лесков, “Чающие движения воды”, 1872.

^[12] Н. Лесков, “Чающие движения воды”, 1872.

^[13] Н. Лесков, “Чающие движения воды”, 1872.

Тяжкие муки гонений, отвержений и всяческих унижений за свои проповеди и воззвания перенес отец Савелий. Его изолировали от паствы, посадили на карантин, призывали покориться начальству и покаяться за слишком дерзостные и несносные проповеди в храме. Но священник оставался умиротворенно непреклонным: “Туберозов остановился и, подняв вверх указательный палец правой руки, воскликнул: — Не наречен был дерзостным пророк за то, что он, ревнуя, поревновал о Вседержителе. Скажи же им: так вам велел сказать ваш подначальный поп, что он ревнив и так умрет таким, каким рожден ревнивцем... хилый и разбитый событиями старик Туберозов был уже не от мира сего... Он простудился... и заболел...”^[13].

И даже перед самой смертью, ревностные адвокаты духовно умирающей церкви призывали “еретика” Савелия покаяться за его несносные проповеди, смириться и простить: “Умирающий судорожно привстал и снова упал, потом выправил руку... и... с большим усилием и расстановкой произнес: — Как христианин, я... прощаю им мое пред всеми поругание, но то, что, букву мертвую блюдя... они здесь... Божие живое дело губят... и он продолжал как будто в бреду: — Ту скорбь я к престолу... Владыки царей... положу и сам в том свидетелем стану.. — Будь мирен: прости! все им прости! — ломая руки, воскликнул Захария. Савелий нахмурился, вздохнул и прошептал: “Благо мне, яко смирил мя еси” и вслед за тем неожиданно твердым голосом договорил: — По суду любящих имя Твое просвети невежд и прости слепому и развращенному роду его жестокосердие... Лицо это уже не двигалось, глаза глядели вверх и гасли...”. Священник дочитал Николая Лескова, а на глазах его были слезы. “Почему ты снова плачешь?” — спросила его жена. Дождь пробуждения орошал засохшую душу пастыря. Сильный небесный дождь. И ему казалось, что весь мир должен пробудиться и измениться от великого свидетельства пророка Савелия! И священник захотел также жить и служить, и даже умереть, как протоиерей Савелий Туберозов.

ПРОБУЖДЕНИЕ СВЯЩЕННИКА

*По страницам Джорджа Макдональда,
“Томас Уингфорд, священник”*

◆ “Как хорошо, Господи, как хорошо...” — шептали уста священника. И только самый пронизывающий взор мог заметить на его грустном лице следы былого страдания. Уставший пастырь читал Джорджа Макдональда. “Томас Уингфорд, священник” — за таким неброским названием книги скрывалась удивительная глубина содержания и высота чувств. Жизненный путь провинциального служителя церкви, пережившего просветление, открывался слезному взору пастыря. Священник продолжал читать и дождь пробуждения продолжал орошать его уставшую, засохшую и почти уже окаменевшую душу. Воскресала душа, взлетала: “Как хорошо, Господи, как хорошо...” — продолжали шептать уста священника.

Что же так пронзительно тронуло и потрясло священника? Что сокрушило и воскресило вновь к жизни его уставшую, засохшую и почти окаменевшую душу? В провинциальном пастыре Джорджа Макдональда священник узнавал и себя. “Вода в роднике его жизни почему-то бежала слишком медленно и вяло... В Оксфорде он успевал довольно неплохо... С самого начала он знал, что его прочтат в священники, и не противился, но принял это как свою судьбу. Более того, в смутном послушании, он всегда помнил о необходимости покориться всем преимуществам и лишениям того жребия, который для него выбрали... Церковь была для него древним установлением, обладающим столь незыблемой респектабельностью, что способна была наделять ею своих служителей, выделяя им определённое содержание и требуя от них соблюдения полагающихся обрядов. Он нанялся к ней на службу, она была его госпожой. И за тесное жилище, скромный доход и казённое, но более-менее приличное облачение он готов был исполнять её уставы — в духе временного слуги-наёмника. Ему было двадцать шесть лет”^[14]. “А ведь это и обо мне, Господи, это и обо мне...” — священник продолжал читать и все больше и больше узнавал себя.

“У него была некая смутная предрасположенность к честности; он ни за что не стал бы сознательно кривить душой ради того, чтобы стать архиепископом Кентерберийским... Он любил читать молитвы, ему нравилось произносить их вслух в церкви; к тому же голос у него был довольно приятный и мелодичный. Он навещал больных — пусть с некоторым отвращением, но безотлагательно, — и говорил им те привычные религиозные фразы, которые приходили ему в голову, считая, что свой долг по отношению к ним он исполняет, главным образом, вознося молитвы за немощных, положенные по церковным установлениям... Да, он исправно делал то, что от него требовалось, и не только «отправлял службы», но и следил за тем, чтобы всё совершалось благопристойно и чинно”^[15]. “А ведь и я бывал таким номинальным, формальным пастырем, Господи, это и обо мне...” — священник продолжал читать и все больше и больше узнавал и себя.

“Мне с самого детства прочили карьеру священника. Это ужасно, я понимаю, но, по-моему, винить в этом особо некого. В мире вообще много всего такого, что неправильно с самого начала. Я довольно прилично сдал экзамены, хотя особыми успехами не блистал, побывал на приёме у епископа, стал дьяконом, через год принял рукоположение, ещё год или два лицемерно читал чужие проповеди и как мог трудился в приходе... Проповеди у него были — давнишние, респектабельные проповеди на пожелтевшей бумаге, составленные и переписанные не кем-то неизвестным, но его собственным покойным дядюшкой, доктором богословия, чей аккуратный почерк был настолько чётким, что Уингфорд никогда не заботился о том, чтобы заранее прочитать очередную проповедь, и следил только за тем, чтобы отобрать нужные страницы. Его старый добрый дядя оставил ему

^[14] Дж. Макдональд, “Томас Уингфорд, священник”.

^[15] Дж. Макдональд, “Томас Уингфорд, священник”.

в наследство сто пятьдесят семь доктринально безукоризненных проповедей (лишняя предназначалась для тех случаев, когда первый день года приходился на воскресенье), полагая, должно быть, что не только снабжает племянника проповедями на всю оставшуюся жизнь...”^[16]. “А ведь и у меня бывали такие проповеди, Господи, давнишние, чужие, сухие, не мною выношенные, не мною рожденные... это и обо мне... Господи...” — священник продолжал читать и все больше и больше узнавал себя.

“Но неужели вы ни разу не проповедовали того, о чём думали сами? — снова заговорил карлик. — Я не имею в виду проповеди, которые человек составляет, усердно читая комментарии; кстати, я слышал, что некоторые из наших лучших проповедников обращались к этим кладезям учёности в поисках своего первого вдохновения. Я говорю о том, что вышло из глубины вашего сердца — может быть, от восторга внезапного открытия или какого-то другого сильного чувства? Если в душе человек не чувствует, что ему есть чем поделиться со своими прихожанами, ему нужно немедленно обратить свои силы на то, чтобы снабдить их той духовной пищей, которой питается он сам. Иными словами, если в его собственной сокровищнице нет ничего нового, пусть он выносит древние сокровища из чужих хранилищ. Если же его собственная душа не получает должного пропитания, как можно надеяться, что он отыщет нужную пищу для своей паствы? Такому человеку нечего делать на церковной кафедре; пусть он лучше займётся чем-то другим — тем, к чему предназначен, что лучше всего подходит его способностям и внутреннему строению”^[17].

Что же пробудило священника Томаса Уингфолда? Кто заставил или убедил его радикально изменить отношение к жизни, служению, церкви, и проповеди? Так бывает, так действительно бывает, что иногда Господь обличает и пробуждает нас даже через атеистов и людей, на наш взгляд, невзрачных. И наступил момент, когда прежде формальный проповедник наконец-то начал говорить “странные” проповеди. “К концу проповеди, когда туман его чувств стал рассеиваться, Уингфолд снова начал различать отдельные лица своих слушателей. Мистер Дрю опустил голову. Как я уже говорил, кое-какие привычки, которым он научился в юности и следовал в зрелом возрасте и которые считались среди деловых людей вполне честными, теперь, по сравнению с Божьим идеалом в торговле — то есть с такой торговлей, какой не постыдился бы заниматься Сын Человеческий, будь его земной отец не плотником, а лавочником — стали ему ненавистными, а воспоминания о них — невыносимыми. Не становилось ему легче и при мысли о том, что пока он не знал полной меры того, как все эти годы пользовался людским невежеством для своей выгоды: ведь обычно такие вещи стараются подальше укрыться в темноту и не желают выходить на свет, чтобы стать явными. Теперь он всячески старался искоренить из своей торговли все подобные обычаи, но они всё равно оставались для его духа

^[16] Дж. Макдональд, “Томас Уингфолд, священник”.

^[17] Дж. Макдональд, “Томас Уингфолд, священник”.

болезненным воспоминанием, и он бесконечно страдал от их груза. Так что когда проповедник протянул ему надежду полностью и окончательно избавиться от них благодаря тому, что в нём будет обитать Бог всех живых людей и истинных торговцев, это показалась ему неизъяснимым блаженством. В то утро мало кто в старой церкви гластонского аббатства подозревал, что этот известный и процветающий коммерсант плачет»^[18].

“Священник остался наедине с органом. Орган молчал, как молчал и сам Уингфорд, но в сердце священника проснулась музыка, и его благодарная хвала, без голоса или инструмента, дивной мелодией возносилась к Тому, Кто слышит безгласные мысли и Чьё сердце дрожит в ответ на каждый аккорд чувства, раздающийся в сотворённых Им сердцах. Ах, что посылаем мы туда, где наши помышления звучат либо резким диссонансом, либо благодатной гармонией? Мысли священника, одиноко сидящего в сумеречной церкви, летели к небу ангельской песней, потому что в сердце его не осталось ничего кроме благодарности – не за какой-то уже обретенный дар, но за наполнившие его дивные надежды. Он преклонил колени возле старого органа и поклонился Богу и Отцу Господа Иисуса Христа, ибо только на этого Бога и ни на какого другого было всё его упование. Когда он поднялся с колен, церковь погрузилась в темноту, но в её верхние окна, освещающие хоры, сияли мириады звёзд»^[19].

“Как хорошо, Господи, как хорошо...” – продолжали шептать уста священника, когда он закончил читать Джорджа Макдональда. “Почему ты снова плачешь?” – жена заметила на его глазах слезы, необычно-светлые слезы. Дождь пробуждения орошал пробудившуюся душу пастыря. Сильный небесный дождь.

ПОБЕЖДАЕТ ХРИСТОС РАСПЯТЫЙ, А НЕ РАСПИНАЮЩИЙ

По страницам жизни Иоанна Златоуста

◆ Его объявили врагом церкви и общества (*hostis ecclesia, hostis populi*). Нарекли бунтовщиком, смутьяном народа, духовным еретиком. Взяли под стражу прямо во время пасхального богослужения. Отлучили и осудили, целым собором, “великих иерархов церкви”. Тридцать обвинительных пунктов, сочиненных “святыми” интригантами. В “нарушении церковного чина”. В “надменном обращении с духовенством”. И даже “в зазорной жизни”. Сначала, “высшие круги” и... церковная элита, которую он бесстрашно обличал – лишили его сана и приговорили к казни. Наконец, обрели на изгнание, в глухом заточении. Его вели “в зной” и “в проливной дождь”. Семьдесят дней, пешком, под охраной воинов. Как будто он был злодей. Низложили его, подорвали здоровье и погубили. В изгнании он и умер, как мученик. “Слава Богу за всё!” – сказал перед смертью, и

^[18] Дж. Макдональд, “Томас Уингфорд, священник”.

^[19] Дж. Макдональд, “Томас Уингфорд, священник”.

все. И ничего более. Иоанн Хризостом — имя ему. Златоустый. Он умер “вне стана”, за церковь, без сана.

Смиренный угодник Божий, и только. Служащий только Ему, в смутное/смятенное время. Всесторонне образован. Искренне духовен. “Публицист на амвоне”. “Обличитель знати”. Сотни писем, поучений, толкований, святых трудов — даже из ссылки. Открыто разоблачал роскошный образ жизни и безнравственность народа, даже священников. Отказался одеваться в дорогую одежду и жить/питаться лучше простого народа. Распродал роскошное убранство архиепископского дворца и передал все деньги на содержание больниц и гостиниц для паломников. В его проповедях сочетались блеск формы и глубина содержания/экзегезы. Его речи приходили послушать даже язычники: “Христос живет в каждом нищем брате нашем. В каждом! Побеждает Христос Распятый, а не распинающий! Ты — мытарь? Можешь сделаться евангелистом. Ты — богохульник? Можешь сделаться апостолом. Ты — разбойник? Можешь приобрести рай. Нет такого греха, который не изглаживался бы покаянием... Входите в храм тихими шагами...” — он хотел реформировать церковь и общество. И ничего более. Иоанн Хризостом — имя ему. Златоустый. Он умер “вне стана”, за церковь, без сана.

Вселенский учитель Слова. Всю жизнь обличал сластолюбцев, сребролюбцев и славолубцев. Отказался от роли “красивой декорации и красноречивого придворного проповедника для торжественных дней”. Бесстрашно указал “своим перстом” на беззакония самой императрицы и окружавших ее льстецов, распутных мужчин и женщин: “Я при помощи Божией буду смело обличать пороки; я не буду входить ни в какие соглашения, не буду заключать никакого договора с адом... Корыстолюбивые богачи — это какие-то разбойники, засевшие при дороге, грабящие проходящих и зарывающие имущества других в своих кладовых... как свиньи в грязи, они услаждаются, валяясь в болоте сребролюбия... Еще живо потомство Иезавели. Опять Иродиада беснуется! Опять Иродиада пляшет! Опять требует главы Иоанна!” Этого ему не простили. Иоанн Хризостом — имя ему. Златоустый. Он умер “вне стана”, за церковь, без сана.

Всякий раз, когда я слышу о том, что притесняют и отправляют в “изгнание” очередного пророка, я вспоминаю его. Иоанн Хризостом — имя ему. Златоустый. “Я при помощи Божией буду смело обличать пороки; я... не буду заключать никакого договора с адом! Братия... если изгонят меня, я уподоблюсь Илии; если бросят в грязь — Иереми; если в ров — Даниилу; если побьют камнями — Стефану; если обезглавят — Иоанну Предтече; если будут бит палками — Павлу...”. “Сильные волны, — говорил он в последнем слове своем, — и жестокая буря! Но я не боюсь потопления, потому что стою на камне!” Его объявили врагом церкви и общества (*hostis ecclesiae, hostis populi*). Так было, так есть, и будет. И никак иначе. Иоанн Хризостом — имя ему. Златоустый. Он умер “вне стана”, за церковь, без сана. Он говорил, что побеждает Христос Распятый, а не распинающий.

ОН УМЕР С МОЛИТВОЙ НА ГОРЯЩИХ УСТАХ

По страницам жизни Яна Гуса

◆ Он просто очень сильно переживал за церковь. Проповедник, священник, теолог. Талантливый автор общинных гимнов. Неустанная ревность за храм Божий снедала его, изнутри постепенно съедала. Он не умел и не хотел спокойно созерцать агонию Христовой церкви. С самого детства неодолимая печаль пожирала его сердце, когда он видел, как оскверняют и бесчестят святой храм. И тогда он искренне решил реформировать умирающую на его глазах церковь. Он очень страстно захотел вернуть христианство к его истокам, к учению Иисуса. Забытого церковью Иисуса. И он твердо поверил, что пробуждение наступит. Что ренессанс и рассвет его церкви, “не за горами”.

Он просто очень сильно переживал за церковь. Но он оказался один, он давно стал ничьим человеком. А потому, как глас вопиющего в пустыне, звучали его пламенные призывы, обращенные к “элите” церкви: “Христос и апостолы золота и серебра не имели, не владели землями, поэтому священники и папа должны жить скромно! Нельзя слепо подчиняться церкви! Преступно стяжать и продавать церковные должности! Если слепой поведёт слепого, оба упадут в яму! Только Писание может быть мерилем истины! Если Христос не отлучил на небесах — отлучение папы значения не имеет! Каждый христианин должен искать правду, даже рискуя благополучием, спокойствием и жизнью! Если истина вызовет возмущение — лучше пусть будет возмущение нежели отказ от истины...”.

Он просто очень сильно переживал за церковь. Независимо мыслящий пастырь/ученый. Один, против всего влиятельного духовенства. Один, против всей порочной системы/симфонии власти и церкви. В самый разгар/наступление ереси. Всесторонне образован, харизматичен. Но затравили его мастера “черного пиара”. Объявили неблагонадежным, скандалистом, нарушающим покой церкви. Возложили на него интердикт с приказанием покинуть их столичный город. И отправили бунтаря прочь, обрекли на скитания. А ведь он очень искренне надеялся, что церковь поддержит его евангельские идеи. Он глубоко верил в Бога и с самого детства мечтал стать священником. Но традиционные авторитеты его отвергли. Они предали его, схватили, арестовали. Сам архиепископ церковный... посадил его на хлеб и воду. А он ведь просто очень сильно переживал за церковь. Он хотел ее возродить, преобразить, спасти. Он не умел и не хотел спокойно созерцать агонию Христовой церкви.

Он просто очень сильно переживал за церковь. И он искренне хотел быть ее частью. Но не ценой лицемерного отречения от совести и примирения с умирающей религиозной системой. Священник, ученый, теолог. Беспокойный проповедник, харизматичный, скитающийся теолог. Неугомонный пастырь, отлученный по подозрению в ереси. Богослов/ректор, позволив-

ший себе мыслить не в духе времени. Зараженный склонностью читать и распространять подозрительные для церкви учения и книги. Он ориентировался не на помазанную главу, смотрел не на отмеченное чело, а на качества сердца, на силу духа. Он мечтал о нравственном обновлении церкви. Он не был ангелом, и иногда выражался предельно резко. Ни тюрьма, ни смерть его не пугала. И тогда ему пригрозили огнем. Страшным костром, мучением. “Отцы теологи” и “святой престол”. Но он уже давно не боялся смерти. Он давно ее пережил. Страх смерти был ему чужд. Наступили муки допросов и унижений в “святом судилище”. Но “ересиарх” отказался отречься от своих убеждений. И тогда... его сожгли. Но зачем, но зачем же сжигать живьем своего брата?

Он просто очень сильно переживал за церковь. Неустанно ревностно и предельно искренне. Он любил свою церковь до смерти. Но они этого не поняли. По жестокому приговору Вселенского собора церкви, они сожгли его на костре, а прах развеяли, дабы навеки изгладить из истории память о реформаторе-мученике. Он умер удивительно достойно, с молитвой на горящих устах. Это было 6 июля 1415 года. “Если истина стоит тебе гонений — прими их. Если стоит мучений — терпи их. Если ради истины тебе придется пожертвовать собой и своей жизнью — будь тверд в самопожертвовании. Смерть — это не конец, а начало» (Ян Гус). Вечная память Яну Гусу и всем “гуситам”, зажигающим огонь реформации в современной церкви!

ЗАБЫТЫЙ ЕПИСКОП

«Без смирения ничего нет в человеке, как только одна тьма...»

Серафим Саровский

◆ К пустому колодцу за водой не ходят — жаждущее сердце тянется к источникам животворным. Я пришел к этому “странноватому”, как его называли, пастырю, когда он уже не мог самостоятельно передвигаться; говорили, что слаб старик очень и что готов к переходу; говорили также, что благодать излучает этот пастырь, и что исцеляющую правду говорит каждому. Церковь уже давно забыла о своем “странном” епископе, но мое сердце жаждало благодати, и правды...

Давным-давно отстранили вольнодумного пастыря от проповеди в церкви — за “уклон” в вере и за смущение народа церковного хоть и правдивыми, но слишком уж откровенными, по мнению руководства общины, изречениями. Ходили слухи, что странный он, и слишком уж думающий, и что отделился он в мышлении своем вольнодумном от братства церковного. Некоторые вспоминали, что, когда его называли учителем и пророком, он сильно смущался от этого и даже извинялся: “Не учитель я вовсе, и не пророк я, и не сын пророка... Христов ученик я, и только — это и есть мое священное звание. А без Бога — я очень грешный, очень. Нельзя человеку жить без Бога на свете, никак нельзя”.

“Вы называете себя очень грешным, но почему же многие люди считают вас святым?” — по выражению лица пастыря мне показалось, что вопрос мой какой-то неправильный, мелкий, приземленный. “Я очень стар и слаб, недолго мне жить осталось, и незачем мне перед Вами фальшивить. Люди нравственно разборчивые, никогда не бывают довольны собой, о многом сожалеют, во многом раскаиваются, — неожиданно для меня, старец вдруг процитировал Пастернака, — никогда не забывайте об этом, иначе душевно засохнете. Смертный соблазн, который нам всем преодолевать нужно, есть ни что иное как прелесть превозношения и гордыни духовной. Всем нам, особенно служителям Христовым, нужно осознание своей бренности и ничтожности перед Богом. Духовный цинизм поражает особенно нас, священников, мы утрачиваем благоговейное отношение к другой жизни, судьбе и боли. Церковная политика и карьеризм, желание почестей и похвал — погубили многих пастырей...”

“На свете совсем не много людей, в присутствии которых можно плакать” (Генрих Белль). Слушая этого “странного” пастыря, я вдруг осознал, что душа его родственна мне, и что то, о чем он говорит, очень близко мне и понятно. Я погружался в священную атмосферу чистого братского доверия, я вдохновлялся на смиренное и незаметное служение. А ставший уже моим пастырь, вспоминал о Григории Богослове. “В конце IV века христианство росло и умножалось, повсюду открывались новые помпезные храмы. Однако внешний расцвет не мог утешить Григория, переживавшего за внутреннее состояние Церкви и выстрадавшего свою духовную позицию: «Одни из нас, спорят о священных престолах, враждуют друг с другом, навлекая бесчисленные бедствия и сами становясь их жертвами... Другие же, разделившись на партии, возмущают Восток и Запад: начав Богом, кончают плотью. От этих борцов и у прочих появляются имена и начинается битва... Невежественные епископы, вчерашние пахари и матросы, учащие других и одновременно запрещающие заниматься науками другим, гонители классического образования, дабы не обнажилось их собственное невежество, ссылающиеся на необразованность апостолов, но сами не имеющие и тысячной доли духовных дарований; молодые люди, поставленные на кафедру без должного испытания, у которых и бороды еще нет и на уме одни плотские дела... лицемеры, интриганы, карьеристы, занятые только собственной семьей и доходами, превратившие служение Богу в личный бизнес, интересующиеся только развлечениями и не читающие, и не изучающие Священного Писания, беспринципные в делах веры... Укоряешь меня в лености и в нерадении; потому что... не увлекся епископским духом... и думаю, что, если бы все подражали мне, то не было бы беспокойств Церквам, не терпела бы поруганий вера, которую теперь всякий обращает в оружие своей любопытности»” (Григорий Богослов).

“Папы и патриархи, епископы и архиепископы, владыки и преосвященства — много их, пленников властных амбиций, высокомерно превозносящихся своими званиями не Христовыми, и алчущих присвоения им сана еще более «святейшего». Божьих людей и рабов Христовых, живущих скромно,

честно и по совести — совсем немного осталось их. Знал я одного такого служителя во время гонений, так он себя не то что епископом, а и пастырем никогда не называл — только братом во Христе. В беседах наших сердечных он говорил мало, тихо и кротко, зато проповедовал всегда пламенно, горячо... и постоянно сокрушался, и каялся принародно в немощах своих никому незаметных. Я в меру служения его так и не пришел...” — глаза старца увлажнили слезы, и он замолчал...

Молчал и я, и мне казалось, что молчание наше совместное — не напрасно; что это и есть невыразимое словами таинство единения учеников Христовых. В простых речах ослабевшего плотью пастыря, и даже в его загадочном молчании было больше тепла и смысла чем в высокопарно-формальных лозунгах современных знаменитых проповедников духовно дремлющей церкви. О чем думал непризнанный духом времени, умирающий служитель Божий? Что переживал пастырь перед своей смертью? О ком он молился в свои последние дни?

“С первым страданием, и с первой болью — пробуждается душа... Жгучий стыд ощущает душа христианская, соблазнённая миром... Только в тени великой любви исцеляется душа, падшая...” — перед моими глазами лежит дневник уже отошедшего в Вечность пастыря. “Человек, рожденный женою, краток днями и пресыщен печальями” (Иов. 14, 1); И будет Господь прибежищем угнетенному, прибежищем во времена скорби (Пс. 9, 10). “Я окружен мраком болезни, ничего не вижу перед собою, но протягиваю свою тленную руку и хватаюсь за Твою руку, Господи, а потому даже если и «пойду долиною смертной тени, не убоюсь зла, ибо Ты со мною»”. В очередной раз, с жаждой просматриваю его записи-размышления, а когда дохожу до конца изношенной временем тетради — трепещет сердце... Последние страницы — это предельно аккуратный список имен людей, за которых он молился в последние годы. Среди множества имен — его родных, соседей, знакомых, верующих, неверующих, вдов, сирот, миссионеров... — стоит и мое имя, рядом имена моей жены и детей. Течение болезни старца-пастыря (паралич ног, боли в спине, истощение организма...) — можно проследить по ухудшающемуся с каждой строкой почерку. На последних, “молитвенных”, страницах дневника я вижу много пятен и... следы слез...

“Тот, кто призван быть епископом, призван не для того, чтобы командовать, но для того, чтобы совершать это служение с такой кротостью и таким смирением, чтобы оно было полезно и самому совершающему, и тому, на кого направлено...” (Ориген). От друзей умершего служителя и пророка церкви я узнал, что еще в бытность служения его старшим пресвитером по области, руководство братства решило рукоположить перспективного служителя на епископское служение, а он вдруг взял... и отказался. Кротко, но с неземной властью прозвучали тогда слова пастыря, обращенные к так называемым начальствующим епископам: “Один у нас Пастыреначальник, братья мои, я уже принял однажды благословение на служение епископа. Разве вы не читали в Писаниях, что пастырь, пресвитер и епископ — одно

и то же служение, один и тот же духовный сан? Церковный карьеризм и дух соперничества поражает нас, братья! Не делайтесь рабами плотских амбиций, не ищите званий, признаний и похвал человеческих! На Соловках удостоил меня Господь послужить его овцам израненным, там и рукоположен был я, тайно, служителем гонимой церкви. Помню, совсем сил у него уже не оставалось, но он приподнялся, положил на меня свои немощные руки и молча молился. Не слышал я слов его тогда, но ощущал силу Духа; ни сертификата епископского, ни удостоверения пасторского — до сих пор не имею, Святым Духом запечатлел меня Господь...

Помню также, как совершали мы тогда церковное причастие, как подносил я братьям-узникам совсем крошечные сухарики и разбавленную красной ягодой воду в ржавой кружке... Но благодать стояла в бараке густая. Никогда не забуду и последние слова рукополагавшего меня епископа: «Ты должен полюбить последнее место, самое непочетное и незаметное — место слуги и раба, там всегда самые сильные, «первые и большие», подвизаются, там всегда Господь обитает. Церковь Христова — это Его стадо и Его овцы, а ты — всего лишь пастух Божий...».

К изумлению многих, освободившись из заключения, рукоположенный в уста пастырь постоянно отказывался от участия в церковных выборных кампаниях, голосованиях и избраниях, но от пасторского служения людям и проповеди Евангелия никогда не отделялся! С тех пор и прозвали его “странным” пастырем. Только, почему-то про Соловки и “густую благодать” в лагерных бараках — упоминать всегда забывали. В церковных же архивах сохранилось много почетных фотографий служителей церкви, на которых “странного” пастыря нет..

“Душа исцеляется рядом с детьми”, — писал Достоевский. Душа моя исцелялась рядом с непризнанным духом времени, умирающим пастырем — забытым церковью, истинным епископом и пророком. В нем я нашел не только своего пастыря, но и старшего духовного брата. Ему я открыл свою душу, и ушел от него совершенно потрясенным и... исцеленным. Святую простоту и Божью благодать излучал смиренный епископ; исцеляющая сила исходила от него без слов, невидимо. Правду говорили о нем, что странный он служитель. Не от мира сего был епископ тот, не от мира нашего...

ЖЕНА ХРОМАЮЩЕГО СВЯЩЕННИКА

Посвящается верным женам всех пастырей Божьих

◆ Он никогда еще поднимался на церковную кафедру так неуверенно и так медленно. Хромая на одно бедро, он двигался необычно смиренно, с поникшей головой. Паства не узнавала своего бывшего, энергичного, харизматичного и всегда уверенного в себе священника. Ранее, он буквально взлетал на церковный подиум и торжественно/красноречиво произносил хорошо подготовленные, респектабельные проповеди. Он всегда говорил без запинки, его голос летал по храму, и всем казалось, что их одаренный

пастырь не просто талантливый оратор, но обладает особым даром впечатлять сердца и влиять на умы народа. Удивительно складно и плавно, словно поэтическая проза, лились его мелодичные/рифмованные речи. Но сегодня, странно кроткое шествие пастыря к кафедре удивило даже самых равнодушных к церковной службе прихожан. И никто не знал, и никто не ведал, что их пастырь “боролся” с Богом.

Прихрамывая, священник необыкновенно трепетно взошел на давно знакомый ему церковный подиум, и неожиданно, не как прежде... склонил колени. И стоял народ, и смотрел. Помещение храма окунулось в таинственное безмолвие. И всем показалось, что даже время остановилось “как бы на полчаса”. Весь приход словно замер в оцепененном ожидании. А священник все медлил и медлил, как немой, безмолвно предстоял он пред Господом. И дивился народ, что их пастырь так “медлит в храме”. И что снял он с ног своих обувь. А их пастырь как-будто ничего/никого не замечал, все стоял/предстоял пред Господом. И никто не знал, и никто не ведал, что видел и слышал их странный пастырь. Их пастырь “боролся” с Богом. И вдруг, просияло лицо священника. И приподнялся он, и встал за кафедрой.

И поднял руки свои священник, и продолжал предстоять пред Господом. И продолжало сиять лицо его лучами от того, что Бог говорил с ним. Но не знал сам священник об этом. И только пронизательный взор его жены, заметил на глазах и лице мужа поспешно вытертые слезы. И продолжала стоять жена просветленного пастыря, на коленях, в полумраке, незаметно, в самом дальнем притворе храма. И только губы ее шевелились таинственно, не издавая ни звука. И молилась она, шептала безмолвно неизреченное, одному Богу ведомое. И лицо ее было, как лицо Ангела. И на лице ее женском – слезы светлые, как искры, летящие вверх. Она знала, – ее муж “борется” с Богом.

И продолжал священник молитвенно предстоять пред Господом. И все видели, что взор его устремлялся вверх. И все невольно устремлялись туда же, – к Богу. И забывали о суете, и сознавали грехи свои, и вдруг прозревали, и начинали понимать, что исцеление ран народа церковного и земли их пораженной возможно. Нужно только очень сильно смириться пред Богом и воззвать из глубины сердца. “Поборовшийся с Богом”, хромящийся пастырь, с ослабленным голосом и немощной плотью, излучал такой свет и силу, что даже самые равнодушные начали вдруг слышать голос Духа. Маленький человек с большой душой стоял перед народом, и всем казалось, что они уже слышат неизреченное. И не смог священник даже начать свою проповедь в тот день. Народ уже стоял на коленях и слушал Бога. И продолжала стоять жена просветленного пастыря, на коленях, в полумраке, незаметно, в самом дальнем притворе храма. И только губы ее шевелились таинственно. “Как хорошо, Господи, как хорошо!” – восторженно шептала жена хромящего священника, а помещение храма заполняла удивительно чистая и очень густая благодать.